

Едва они прибыли в Ючжоу, как получили весть от Цяо Цзю: императора Государства Ляо разбил паралич, и второй принц Ляо воспользовался случаем, чтобы устроить смуту. Хотя Ван Сяо и Мэй Шэнцзэ формально занимали одинаковый чин, решающее слово всегда оставалось за Ван Сяо. Он действовал без промедления и велел Цяо Цзю воспользоваться моментом, чтобы помочь Сяо Чжэню еще глубже внедриться в окружение второго принца и добыть больше сведений.

Весь следующий месяц из Государства Ляо непрерывным потоком поступали донесения.

Обычные сведения Ван Сяо и Мэй Шэнцзэ разбирали сами, и лишь самые важные доклады тайком отправляли в Шэнцзин, передавая на усмотрение Тан Шэня и Су Вэньюня.

Так, за повседневными делами, незаметно пролетел месяц, и наступила десятая луна.

Седьмой день десятой луны тридцать первого года Кайпин был днем рождения Чжао Фу. В прежние годы император устраивал пышный пир, а чиновники из тридцати шести управ за несколько месяцев присылали поздравительные дары. Однако в этом году все сложилось иначе. Чжао Фу внезапно постигся и пристрастился к чтению буддийских молитв, а в начале девятой луны прямо на утреннем приеме огласил указ, названный «Рескриптом о самосозерцании».

«За тридцать один год нашего правления мы не искали великих заслуг, лишь стремления миновать ошибок. Однако Хуанхэ из года в год выходит из берегов, лишая народ по обоим берегам средств к жизни; утерянные земли до сих пор не возвращены — о каком же покое может идти речь? Мы — Сын Неба, воплощение истинного дракона, так как же нам спать со спокойной душой?»

«...Посему мы решили не устраивать в этом году пышного празднования. Если в землях под нашей властью сократят расходы, это и станет для нас наивысшей радостью».

Поступки Чжао Фу никогда не поддавались чужой логике. Его внезапный отказ от пиршества застал врасплох весь Приказ ритуалов, готовившийся к празднику больше полугода. Впрочем, дело было невелико. В прошлые годы седьмой день десятой луны затмевал все вокруг, и едва ли кто-то помнил, что накануне отмечал свой день рождения Ван Чжэнь.

На этот раз о празднике вспомнил даже Чжао Фу. В Дворце Чуйгун он с улыбкой произнес:

— Цзыфэну в следующем году исполнится тридцать. Помнится, твой день рождения сегодня?

В последнее время Чжао Фу частенько заводил разговор о возрасте — ему явно нравилось поминать лета.

Обычно правители в преклонных летах избегали любых разговоров о долголетию и смерти — впрочем, как и обычные старики. Но Чжао Фу составлял исключение: чем усерднее он погружался в духовные практики и молитвы, тем охотнее затрагивал эту тему. О молодом Тан Шэне, едва достигшем совершеннолетия, он не упоминал, зато Ван Чжэню, Су Вэньюню, а также Левому канцлеру Цзи Вэнцзи и Правому канцлеру Ван Цюаню — всем влиятельным сановникам двора — досталось от императора сполна.

Ван Чжэнь ответил:

— Ваше Величество, сегодня действительно день рождения вашего покорного слуги.

Чжао Фу немного подумал и молвил:

— День рождения следует встречать достойно.

Не успел Ван Чжэнь закончить службы в Финансовом приказе, как по императорскому указу в Резиденцию министра вереницей потянулись дары. Однако, приняв высочайшее повеление, Ван Чжэнь не остался дома, а отправился в усадьбу Фу Вэя. Тан Шэнь и Фу Вэй уже ждали его там, чтобы отпраздновать это событие.

Учитель и двое учеников подняли кубки. Под лунным светом звенела посуда, веял легкий ветерок, и вся сцена казалась сошедшей с изысканного свитка.

В последние годы Фу Вэй был занят составлением обширного труда и в прошлом месяце как раз завершал эту работу. Прошло пять лет, и он уже не походил на того великого мудреца Фу Сижу, которого Тан Шэнь встретил впервые, — в его висках пролегла густая седина.

Фу Вэй со вздохом заговорил:

— Время никого не щадит. Посмотрите на мою седину: в прошлом году ее еще можно было хоть как-то скрыть, а нынче она высыпала будто бамбуковые побеги после дождя. Эх, стар стал ваш учитель. Глядя на вас, полных сил и молодости, я от умиления готов пролить стариковские слезы. Вэньшу, подай-ка платок.

Мальчик-чтец Вэньшу день и ночь находился при Фу Вэе, прислуживая ему во всем.

Услышав слова хозяина, Мальчик-чтец буркнул себе под нос: «Да вы же даже не плачете», — но все же достал из рукава платок и протянул Фу Вэю.

Фу Вэй изобразил глубокую печаль, отер несуществующие слезы и только после этого поднял взгляд на своих учеников.

Тан Шэнь с улыбкой возразил:

— Учитель, с чего вдруг такие речи? В моих глазах вы ничуть не изменились — всё так же бодры духом, и никакие годы над вами не властны.

— Что такое? — отозвался Фу Вэй. — Императору, значит, можно каждый день твердить всем вокруг про их старость, а мне и заикнуться нельзя?

Тут Тан Шэнь понял, что Чжао Фу, видно, изо дня в день вызывал Фу Вэя к себе и причитал: «Как вы постарели, любезный министр!», отчего тот и решил сорвать досаду на нем и Ван Чжэне. Тан Шэню оставалось лишь качать головой.

Тан Шэню и самому было известно, что Чжао Фу в последнее время регулярно призывал к себе чиновников и расспрашивал об их годах. Но Тан Шэнь был слишком молод, поэтому император его не беспокоил. Даже Су Вэньюня вызывали несколько раз, так что среди влиятельных сановников и доверенных лиц государя один лишь Тан Шэнь остался обделен подобным «вниманием». Порой Тан Шэнь даже задавался вопросом, не забыл ли о нем Чжао Фу, однако император вскоре снова приглашал его во дворец, справлялся о делах, и все сомнения рассеивались.

И раз уж Тан Шэню не выпала «честь» выслушивать жалобы государя, Фу Вэй щедро поделился с ним этой усладой.

Учитель и ученик продолжали беседовать о том о сем, и тут Фу Вэй упомянул великолепное стихотворение, недавно переполошившее поэтические круги.

— Сие стихотворение вышло из-под пера одного помощника генерала, хотя тот отродясь грамоте обучен не был. — Фу Вэй намеренно сделал паузу и со значением улыбнулся: — Цзинцзэ, догадываешься, в чем тут секрет? — Не дав Тан Шэню вымолвить и слова, он с увлечением раскрыл тайну: — Сам этот военный в изящной словесности ни бум-бум, да вот только сказывают, что его новая супруга — знатная местная поэтесса!

Тан Шэнь подыграл учителю, подхватив разговор:

— Неужели?

— Этот помощник генерала сложил немало дивных стихов и строф, и в моей усадьбе как раз есть его последние сочинения. Вот только где же они припрятаны... — Повернувшись, Фу Вэй спросил: — Малец, куда ты их девал?

Мальчик-чтец Вэньшу с невинным видом откликнулся:

— Учитель, книгами же Мальчик-цитрист Фуцинъ занимается, откуда мне знать!

— Ишь сколько оправданий у мальчишки! Велено искать — иди и ищи. Цзинцзэ, ступай с ним, помоги этому неразумному сопляку отыскать тот сборник.

Тан Шэнь опешил, взглянул на Фу Вэя, но поднялся и ответил:

— Хорошо.

Затем Тан Шэнь и Мальчик-чтец Вэньшу направились в кабинет Фу Вэя.

В павильоне остались лишь Фу Вэй и Ван Чжэнь.

Пока Тан Шэнь беседовал с Фу Вэем, Ван Чжэнь тихо пил вино и слушал их разговор. Он лишь слегка улыбался, не вставляя ни слова, словно ему было достаточно просто присутствовать. Теперь же, когда Тан Шэнь ушел за книгой, Фу Вэй помахал палочками перед лицом своего любимого ученика, и Ван Чжэнь поднял взгляд на учителя.

— Зачем учитель нарочно отослал Цзинцзэ?

— Когда это я его отсылал? Не выдумывай, — прогремел Фу Вэй.

Ван Чжэнь усмехнулся:

— Вы правда думаете, что Цзинцзэ ничего не понял?

— Ладно-ладно, выросли уже, крылья окрепли, учителю вас больше не провести, — махнул рукой Фу Вэй. Но шутливый тон тут же сменился строгой серьезностью. Он опустил палочки и пристально посмотрел на ученика.

Двадцать четыре года назад Фу Вэй путешествовал по Цзяннаню и проездом оказался в Цзиньлине.

Тогда Фу Вэй уже входил в число четырех великих мудрецов Поднебесной, сыскавших славу по всей стране. Поэтому, когда он прибыл в управу Цзиньлин, Клан Ван из Ланъя направил ему

приглашение и устроил пир в честь почтенного гостя.

Фу Вэй и сам происходил из знатного рода, однако со времен его предков семейство поредело, обеднело и утеряло прежнее величие. Впрочем, даже истощенный верблюд крупнее лошади: в Бэйчжили их род все еще пользовался уважением, хотя сопоставить его с Кланом Ван из Ланъя было невозможно. Фу Вэй являлся опорой своей семьи, поэтому приглашение от Клана Ван из Ланъя обрадовало его, и он, тщательно подготовившись, отправился на прием.

Усадьба южного клана отличалась изысканным убранством: изящные мостики над журчащей водой, утонченные сады.

После пира хозяева повели Фу Вэя прогуляться по саду. Пока они обменивались любезностями, Фу Вэй заметил в глубине сада прелестного мальчика в парчовых одеждах, украшенного золотом и нефритом, который молча разглядывал цветок. Сколько Фу Вэй наблюдал за ним со стороны, столько же ребенок не сводил глаз с цветка.

Фу Вэй полюбопытствовал:

— Что ты там разглядываешь?

Мальчик поднял взгляд на него, затем посмотрел на своего дядю, вежливо поклонился и ответил:

— Я смотрю на цветок.

— А почему ты смотришь на цветок так долго?

— Сначала я лишь ненадолго взглянул на него, но тут заметил, что гость смотрит на меня. Я смотрю на цветок, а гость — на меня; возможно, для вас это сродни разглядыванию картины. Как же я мог испортить ваше изысканное настроение? Посему ответьте, гость: а на что смотрите вы? — С этими словами он уставился на Фу Вэя чистыми темными глазами.

Фу Вэй был поражен умом и ответом ребенка. Узнав, что этот мальчик — законный сын Клана Ван из Ланъя по имени Ван Чжэнь, он во что бы то ни стало решил взять его в ученики. Сперва Клан Ван сомневался, но Фу Вэй остался жителем Цзиньлина, пока сам Ван Чжэнь не согласился стать учеником Фу Сижуня.

— Я вижу в цветке картину, а учитель видит картину во мне. Должно быть, это и есть та самая судьба, о которой размышлял второй двоюродный дедушка, — промолвил тогда Ван Чжэнь.

Так Ван Чжэнь вступил в число учеников Фу Вэя.

<http://bllate.org/book/18292/1757443>